

зация (охлаждение) морально и физически дефективных людей, которые, по теории Менделя, могли бы давать большое наследство.

Но самым главным и очевидным для немцев положительным достижением гитлеровского режима в Германии это то, что он ликвидировал все проигрышные условия Версальского мира, каковыми условиями немецкий народ был спутан по рукам и ногам. Мало этого, гитлеровский режим поднял престиж государства, вернул Германии место в ряду великих держав. И не удивительно, что за два-три года до прихода к власти Гитлер стал общепризнанным вождем не только Германии, но и всего немецкого народа.

Я далек от мысли думать, что приход и утверждение у власти всех этих национальных авторитетов обошлись без внутренней борьбы, без человеческих жертв, без иных затруднений. Общественно-политические процессы национального масштаба нужно оценивать не столько по жертвам, сколько по достигнутым результатам и по тому, во имя чего эти жертвы принесены.

Если процесс утверждения нового положения сопровождался небольшими жертвами, принесенными во имя общенационального блага, и в результате народ имеет большие положительные достижения, то оправданность события налицо.

Если во имя торжества интересов одного какого-либо класса над жизнью и интересами других, не менее ценных классов, принесены гекатомбы жертв, пролито

море крови, разорены и уничтожены все национальные ценности, помянаны духовно — моральные устои народа, и в результате жизнь народа не улучшилась, а неизмеримо ухудшилась, почти вернувшись к уровню зверей, то налицо национальное бедствие, национальная трагедия.

Наглядный пример воскресения и возрождения Польши гением и авторитетом покойного Пялсудского, спасение Турции руками Мустафы Кемала - Ататюрка, поднятие Италии волею и умом Муссолини, а Германии — Гитлера, безусловно заслуженно обращает взоры многих и многих национально-политических деятелей на авторитарную форму организации государственного руководства.

В деле государственно-созидательной работы личность руководящего имеет преобладающее значение, она безусловно довлеет даже над официальной формой.

Только при авторитарном способе руководства исключена возможность выдвижения и укрепления негодных и недостойных людей. Нахальный авантюрист, подлый узурпатор, человек склонный к воровству общественных ценностей, жалкий интриган не выдвинется в ранг вождей народов, а если случайно и выдвинется, то скоро будет оставлен всеми честными соратниками, начиная с ближайших.

Только честные, идейные, подлинно волевые и талантливые люди становятся во главе своих единомышленников и остаются вождями народа на его пользу и процветание.

Саянка Балыков.

ШАМБА БАЛИНОВ.

О княжеском роде Тундутовых

Судьба сыграла с нашим народом нехорошую шутку. После сказочного взлета и славы под победным знаменем великого монгольского Чингис Хана в XIII и IV столетиях, а затем под руководством собственно своих ойратских вождей в XV столетии, народ наш пришел в полный упадок и к политическому бессилию.

С тех пор история народа нашего, попавшего под власть иного народа, сложилась печально. Постепенная утрата наших национальных прав, культурный застой, политическое бессилие, оскорбленное национальное чувство, вынужденная необходимость безропотно переносить несправедливость и всяческие национальные притеснения — вот чем она характеризуется.

Подлинно народ наш стал сиротой истории, бессильный поднять свой голос, оградить свое национальное право.

Такое положение народа у его сознательных сыновей рождает страстное желание искать и стараться находить все хорошее, достойное и светлое в его истории, что может дать удовлетворение и отдых страдающему национальному чувству.

Поэтому мы с особенным удовлетворением поль-

зуемся знакомством с последним живым потомком рода Тундутовых, чтобы сказать наше краткое слово об этом древнем и славном калмыцком княжеском роде.

Род дербетских князей Тундутовых есть один из старейших родов калмыцких князей. Начало его, уходящее ко временам Чингис-Хана, покрыто туманом исторической легенды. Род нойонов Тундутовых имеет одно происхождение с родом нойонов Зюнгари, и, не имея достаточных оснований вести свое начало до Чингис-Хана, ведут его от Тенгрии (Неба).

Предание об этом говорит так. Когда-то в древности в бесплодной стране жили братья Аминай и Дебене, имевшие по десяти сыновей. Постепенно их роды размножились. У них не было главы — нойона. Однажды один из них, охотясь в степи, под одинокой вербой, нашел ребенка. Охотник наполнил его соком от вербы и нарек ему Цорос, по названию единственного живого существа, находившегося по близости. И народ решил, что этот ребенок, данный им самим небом, и будет их нойоном.

Так образовалось ойратское племя Цорос, играющее одну из главных ролей, как сильная составная

единица, в известном Ойратском Союзе, бывшем в 14 и 15 столетиях решающим политическим фактором на востоке. Позднее племя Цорос разделилось на два племени: Зюнгаров и Дербет.

К сожалению, восстановить полное генеалогическое древо Тундудовского рода мы не можем, да в этом и надобности нет. В историческом труде Торгутского нойона Батырь - Убуши Тюмень говорится, что «подробное сказание о происхождении Нойонов Цоросского Дома, в 20-ти коленах, находится в Зюнгарских летописях». Современным же приволжским калмыкам известен нойон из дома Цорос — **Тогон Тайши**, в начале XIV столетия стоявший во главе всего Ойратского Союза, который подчинил себе и объединил под своей властью всех монголов, а затем наносил ряд тяжких ударов Китаю.

Из своих предков семья Тундудовых особенно чтит нойонов **Бу-Ахай**, **Удунтай-Бида Тайши** и **Далай-Тайши**. Сын последнего, **Солом-Церен-Тайши**, с четырьмя тысячами подвластных ему кибиток, в 1672 году из далекого востока прибыл на Волгу, к ранее переселившимся туда калмыкам. С ним прибыл его брат **Тони**, у которого был сын **Батур-Малай**; его сын **Эрке-Тайши**; его сын **Солом-Доржи**; его сын **Тундуд**; его сын **Чюгей-Тайши**, бывший наместником калмыцкого народа, у которого было два сына: **Эрдени-Тайши** и **Чжамба-Тайши**.

Такова генеалогия княжеского рода Тундудовых, какую мы можем воспроизвести при наших скудных эмигрантских возможностях. На наших глазах протекла и протекает жизнь трех последних потомков этого рода: князя **Церен Давида**, князя **Данзана** и ныне живого последнего потомка, князя **Николая Данзановича**.

О жизни этих последних трех потомков и будет наше слово здесь.

Нойон **Церен Давид Тундудов** окончил в Москве Катковский Лицей и представлял из себя любопытное соединение европейской культуры с глубоким знанием тибетских наук и буддийской философии, будучи сам, как и весь его народ, буддистом.

Любимые его занятия наукой и литературой не мешали ему проводить большую часть своей жизни среди своего народа, которым он, неофициально, продолжал править и после учреждения над калмыцким народом русского попечительства, так как народ в вопросах внутренней, национальной жизни никакого другого суда и совета не признавал, кроме совета своего Нойона, особенно такого всеми любимого и уважаемого, каким был князь **Церен Давид** и которого народ и выбрал, впоследствии, своим представителем в Государственную Думу.

Он и его жена княгиня **Эльзете**, ревниво охраняли и поддерживали в народе национальные и религиозные традиции. Как ревностные буддисты, они имели оживленную связь с **Далай-Ламой**, духовной главой всех северных буддистов. Для этого они неоднократно посылали в Лхассу своих послов с богатыми дарами. И в Лхассе Тундудовы пользовались особым призна-

нием, а сам **Далай-Лама**, в знак особого своего благоволения, подарил **Тундудову** свою особую печать («вечная виза») перед обладателем которой в любое время ворота Лхассы были открыты. Такую печать, вероятно, во всей Европе, кроме Тундудовых, никто не имел.

Княгиня **Эльзете** играла очень видную роль и являлась ревнивой блюстительницей вековых традиций и обычаев калмыков. Она посвятила себя почти всецело научным изысканиям разновидностей буддийской религии, буддийской философии, этнографических и географических условий жизни разных буддийских народов. Знания ее в этих областях нередко оказывали ценные услуги Петербургскому Географическому Обществу и нередко члены его и видные изыскатели обращались к ней за справками и указаниями. Она сама состояла членом этого Общества. Знаменитый русский путешественник и исследователь, полковник **Козлов**, в течений многих лет своей работы, пользовался советами и указаниями княгини **Эльзете**.

Мечты князя и княгини о том, чтобы сын их, **Данзан**, продолжал заниматься судьбой своего народа, осуществились на другом поприще, чем они могли, в то время, предполагать...

Как и его отец, Нойон **Данзан** получил образование в Москве, в Катковском Лицее, откуда, впоследствии перешел в Пажеский Корпус, так как его неуклонно влекла военная карьера. Как в бытность свою в Лицее, так и позднее, во время пребывания в Пажеском Корпусе, он ездил всегда на каникулы к себе, в родные степи, где проводил время среди своего народа, предаваясь своему любимому национальному спорту — верховой езде.

В то время, как он еще был в Корпусе, умер его отец, Нойон **Церен-Давид**.

В 1908 году кн. **Данзан** окончил Пажеский Корпус, вышел в, стоявший в Варшаве, Гродненский Гусарский полк и женился на дочери генерала **Брингер**. В полку он пробыл 3 года, после чего вышел в запас и два года провел за границей, путешествуя по Европе. Но скоро его потянуло назад, в родную степь и на военное поприще.

В начале 1914 года он возвратился в строй, сначала офицером, состоявшим в распоряжении Начальника Генерального Штаба, ген. **Жилинского**, затем адъютантом Начальника Генерального Штаба, ген. **Янушкевича**, с которым он уехал в Ставку Верховного Главнокомандующего в начале войны, где и оставался все время до перемены Верховного Командования.

На фронте кн. **Данзан** неоднократно доказал свою храбрость и полное презрение к смерти, часто добровольно берясь исполнять опасные поручения, вроде того, которое он исполнил в разгар опасного боя, провозя под перекрестным огнем важное донесение, за что и был награжден **Анненским Темляком** и орденом Почетного Легиона, к которому был представлен французским военным агентом.

Свидетелем этого его подвига был американский военный журналист, полковник **Мак Кормик**, прикоман-

дированный к Ставке, о чем он и упоминает в написанной им, по возвращении в Америку, книге «С Русской Армией», изданной на английском языке.

Краткую выдержку из этой книги я и хочу здесь привести.

Личность нойона Тундутова произвела большое впечатление на именитого гостя, как и атмосфера легенды, всегда окружавшая нашего нойона, среди русской аристократической молодежи бывшего почти единственным монгольским родовым владетельным князем.

Вот что пишет о нем Мак-Кормик:

— «С момента моего приезда в Ставку Главного Командования, я вступил в настоящую русскую атмосферу. Этот момент был началом целой плеяды восхитительно проведенных дней, благодаря молодому офицеру, который вошел ко мне в тот момент, когда я раскладывал свой чемодан и который в мгновение ока овладел мною и всем тем, чем владел я. Этот офицер стал моим лучшим другом и главным спутником во все время моего пребывания в России.

Когда я увидел его восточный тип и услышал, что обращаясь к нему его называли «Мон Грэнс», и подумал сначала, что он какой-нибудь японский принц, прикомандированный к русской армии по каким-либо соображениям военно-политического взаимобмена, и только через несколько дней мне удалось установить его настоящую личность, оказавшуюся гораздо интереснее, чем я даже предполагал. Князь Данзан Тундутов оказался родовым принцем калмыцкого народа, который был включен в состав Российской Империи более двухсот лет назад.

Россия не вмешивалась ни в религиозный, ни в национальный быт этого народа и князь Тундутов — что я считаю весьма удобным для него — был не только владельцем, но еще и божеством своего народа*).

С давних времен предки его добровольно (!) подчинялись русскому режиму и были наместниками русских царей в Калмыцком народе. Отец же его был представителем своего народа в русской Государственной Думе. Князь Данзан Тундутов, хотя и чрезвычайно скромный, являлся гордым владельцем оружия, украшенного почетным темляком, заслуженным им за доставку под перекрестным огнем, в одном из жестоких боев в Восточной Пруссии. Он был для меня ярким примером благотворного влияния военной дисциплины на воюющих людей, по своему рождению предназначенных для занятия в жизни высоких положений).

Эти теплые, проникнутые искренним чувством дружбы и благодарности слова американского офицера о нашем князе свидетельствуют, что он неизменно пользовался успехом, добрым отношением к себе у всех тех, с кем ему приходилось встречаться в жизни.

Ко времени Великой Войны относится начало хлопот Нойона Данзана о приведении астраханских калмыков из казачье положение. Известно, что до этого

лишь Донские калмыки состояли в Казачьем Войске — Донском.

Когда Государь принял Верховное Командование от вел. князя Николая Николаевича, а последний был назначен Наместником Кавказа и Командующим Кавказским фронтом, он взял кн. Данзана к себе в адъютанты и Нойон последовал за ним на Кавказ.

На Кавказе вел. князь часто просил Нойона сопровождать по фронту иностранных атташе и почетных гостей, а также посылал его в Персию с подарком к персидскому шаху как своего представителя. Шах, посылая через Нойона ответный дар Великому Князю, в знак благоволения и дружбы к Нойону, пожаловал и ему драгоценный подарок.

Во время революции Нойон проявлял невероятную энергию в борьбе с большевизмом. Не боясь ничего, идя на пролом, он не жалел ни себя, ни своих сил, ни денег. Зная, какого врага они имели в его лице, большевики пустили в ход все силы и ухищрения дабы погубить нойона. Два раза он попадал в их руки, попадал в их тюрьму. Оба раза он удачно бежал при помощи своих верных и отважных калмыков.

После второго бегства ему удалось, кружными путями, пробраться за границу, в Германию, с которой в это время большевики заключили сепаратный мир. Тут он был принят Императором Вильгельмом II, которому он доложил о своих мытарствах, о своих политических целях — вести непримиримую борьбу с большевиками. Очевидно, доклад Нойона был серьезен и искренен, что Вильгельм II проникся доверием к этому молодому, ему неизвестному, широким не рекомендованному человеку, что принял решение оказать Нойону свою моральную и материальную поддержку.

Об этой встрече и разговорах с Нойоном пишет Вильгельм II в своих воспоминаниях. Так как рассказ Германского Императора является интересным историческим документом, связанный с именем калмыцкого Нойона Данзана, мы это место из книги здесь и приведем. Вот, что пишет Вильгельм II:

— «Летом 1918 года в штаб-квартиру приехал князь Тундутов, Атаман Астраханского Войска, имеющий свою резиденцию между Царицыном и Астраханью и состоявший до революции личным адъютантом Великого князя Николая Николаевича. Он приехал, дабы войти в связь с Германией и просить ее поддержки, говоря, что казаки, не считая себя русскими, чувствуют к большевикам непримиримую вражду».

Между прочим он рассказал мне, что, будучи, перед самой войной, прикомандирован к Генеральному Штабу, ему привелось быть лично свидетелем телефонного разговора между Императором Николаем II и Начальником Генерального Штаба, ген. Янушкевичем.

Русский Император Николай II, под глубоким впечатлением, произведенным на него, очень важного содержания телеграммой, полученной им от Германского Императора, решил не проводить мобилизацию и приказал по телефону ген. Янушкевичу, остановить ее. Янушкевич же, не исполнив этого ясного и определенного приказа, позвонил по телефону министру иностр.

*) Это — одна из легенд, которые ходили о Нойоне в гвардейских кругах.

ранных дел Сазонову, совместно с которым он уже в продолжении многих недель нигриговал и поджигал к войне, запрашивая его, что ему следует делать и как поступить?

Сазонов ответил ему на это, что приказ Государя есть сущая ерунда и сказал, чтобы Янушкевич проводил мобилизацию, а он, Сазонов, беретя уговорить Государя и дискредитировать телеграмму Германского Императора.

После этого Янушкевич объявил Государю, что мобилизация находится в полном ходу и никаким образом остановлена быть не может. Но — сказал князь Тундутов — это была неправда, т. к. я лично видел, что приказ о мобилизации лежал перед Янушкевичем на его письменном столе, а следовательно, не был еще даже отправлен по назначению.

Вернувшись из Германии, князь Тундутов немедленно приступил к формированию Астраханской Армии, в которую вошли и калмыки. За его поездку в Германию и за формирование армии, тогда многие резко критиковали Нойона, указывая, что он, обратившись к Вильгельму с просьбой о помощи для борьбы с большевиками, изменил верности союзникам.

Разумеется, для политиков тех времен, упрямо не желавших спуститься на грешную землю и считаться с действительностью, поведение Нойона Данзана было предосудительным. Но Нойон Данзан, не искушенный в политической игре, полный молодого темперамента и руководимый единственным желанием — реально бороться с большевиками, смотрел на вещи более «просто»: в 1918 году единственной внешней силой, могущей оказать действительную помощь в деле борьбы с большевиками были немцы. Он к ним и обратился.

Критикующие действия Нойона тех годов должны принять во внимание и то обстоятельство, что ему тогда было всего 27 лет. Кто из огромного офицерского корпуса Императорской Армии палец о палец ударил в те смутные годы? Не только 27-ти летние русские офицеры, но генералы, покрытые славой, не проявившие похвальной инициативы, не показали полезной деятельности. А наш Нойон проявил инициативу, показал кипучую энергию. Может он ошибался, может неудачно действовал. Но не ошибается тот, кто ничего не делает!

Позднее Нойон Данзан был избран Войсковым Атаманом Астраханского Войска и неустанно, вплоть до эвакуации, всеми силами и средствами вел непримиримую борьбу с большевиками.

Естественно, для такой кипучей, полной энергии натуры доля эмигрантского изгоя совсем не улыбалась, беженское бездействие не могло быть ему по душе. Смыслом всей его жизни была борьба с большевизмом. Он и в эмиграции искал путей борьбы.

К сожалению, в его беспокойной голове родилась идея — нелегально вернуться в СССР и там внутри снова начать борьбу с ненавистными ему большевиками. И человек, у которого слово с делом не расходилось, вернулся туда. Но никакой борьбы он там организовать не смог. Обстановка была совершенно иная

и политического опыта, опыта подпольной работы у него не было. Он попал, в конце-концов, к большевикам, которые его немедленно расстреляли.

Царство ему небесное!

Жизнь, совсем не похожая на жизнь своих предков, выпала на долю молодого Нойона Николая Тундутова, находящегося теперь в эмиграции в Париже, как и многие другие дети наших привольных степей.

Студенту Латинского квартала кажется волшебной сказкой рассказы наших о той жизни, которой жили деды и прадеды. Жизнь уготовила ему иную судьбу. Выехал он трехлетним ребенком из России. Первым этапом его скитаний были берега Босфора, откуда он на яхте английского Верховного Комиссара был вывезен, через Дарданеллы, в Западную Европу. Так он вступил в эмигрантскую жизнь.

Началась она в одном из древних городов Италии, Витербо, где друзья его матери — княгини предоставили в ее распоряжение их античный дворец, связанный со многими историческими легендами. Тут княгиня Ксения Александровна и молодой Нойон прожили около года тихой жизнью, посвященной отдыху и забвению пережитых кошмаров.

Но беспокойство о будущем заставило княгиню подумать о переезде в большой центр, где можно было бы начать какую-либо работу, дабы не прожигать последних драгоценностей и денег. Кроме того назрел вопрос об образовании молодого Нойона, которое он и начал в Германии, когда ему исполнилось 6 лет.

Здесь, в Германии, хотя, увы, и на непродолжительный срок, привелось ему соединиться со своим отцом, покойным Нойоном Данзаном, с которым разлучила его революция и война с большевиками, и который вскоре, нелегально поехав в СССР, погиб от преступных рук красных палачей.

Когда в Германии Нойону Николаю исполнилось 8 лет, обстоятельства заставили княгиню Ксению Александровну переехать в Англию с сыном, где жили ее родственники. Английская жизнь и воспитание сделали из молодого князя атлета, пристрастившегося тут к разного рода спортам и как бы наложили свою печать на этого молодого потомка древнейшего рода восточных властителей.

Дороговизна английских школ заставила княгиню подумать о переезде во Францию, где образование более доступно для людей, полувших в то положение, в каком очутились княгиня и ее сын.

Раньше, чем поступить в Лицей, молодому князю, по приезде во Францию, пришлось окончить коммунальную школу и побывать в колледже в Савоие. В коммунальной школе он сразу приобрел репутацию блестящего ученика, а главное, неслыханную популярность среди школьных товарищей, о чем свидетельствует письмо директора этой школы к генерал-лейтенанту Бриггер, деду Нойона с материнской стороны, в котором тот писал ему о популярности молодого кня-

зя, как о необыкновенном в его педагогической практике случае, а также блестящих успехах мальчика. Эта похвала была в свое время подтверждена призом «Лиги Доброты», который был выдан ему, как лучшему ученику всех Парижских коммунальных школ, о чем сообщали и русские газеты Парижа.

После этой школы побывал князь и в Американской школе в Швейцарии, в колледже в Савоие и, наконец, был переведен в один из лучших Лицеев Парижа Лисэ Жансон, который и окончил, сдав два «башо», что во Франции равно аттестату зрелости. Теперь князь, уже 2 года находится в специальной инженерной школе, по окончании которой получит диплом инженера строителя.

Приятно было молодому Нойону, как он нам казался, встретиться, наконец, хотя увя и на чужбине, со своими калмыками и поделиться с ними впечатлениями своей эмигрантской жизни и еще раз услышать рассказы о славном прошлом предков, которые он неоднократно слышал и от своей матери-княгини, всегда старавшейся, не смотря на неблагоприятные условия, внушить и поддержать в нем свое национальное сознание, интерес и любовь к своей расе, народу и его истории.

Волею прихотливой судьбы еще ребенком оторванный от своего народа, несмотря на 16-ти летнее скитание вне родной национальной среды, молодой князь сохранил сознание своей принадлежности к калмыцкому народу, живое чувство любви к своим братьям по крови и твердое желание жить, учиться и в меру сил работать на благо своего народа.

И мы также глубоко верим, что последний живой потомок древнего калмыцкого княжеского рода, законный претендент на руководящую роль в жизни калмыцкого народа, одаренный блестящими способностями, вооруженный европейским знанием, прошедший тяжелую школу жизни, движимый голосом крови, страстным желанием быть полезным своему народу, — он, Николай Данзанович, сумеет исполнить свой национальный долг перед народом.

Мы от души ему желаем здоровья, а все остальное у него есть. Есть у него также хорошая руководительница — мать, милая, добрая, полная энергии и высококультурная княгиня Ксения Александровна, которой мы, пользуясь случаем, приносим свою искреннюю благодарность за блестящее, несмотря на тяжесть условий, воспитание, данное нашему молодому Нойону.

Шамба Балинов.

А. Н. ТРОФИМОВ.

К казакам

Прошло почти 20 лет после февральских дней 17-го года, когда пала русская царская корона, связывавшая разноязычные племена и народы б. Империи, и наступила эпоха «великой, безкровной революции», смешавшая великое со смешным, радостное с жутким.

Трехсотлетняя русская царская династия в роковые для своей судьбы дни не нашла ни одного заступника не только во всем 80-ти миллионном русском народе, но даже в огромном офицерском корпусе русской императорской армии. Падение и последовавшая, затем, трагическая гибель последнего русского монарха освободили не-русские народы от их морального обязательства по отношению к России и разрушили единственную их связь с последней.

А когда на русском престоле воцарилась, при действительной поддержке всего русского народа, фанатички международной организации, то все не-русские народы воспламенились национальным чувством и, отвернувшись от Москвы, занялись устройством своей собственной национальной жизни, одновременно энергично отбиваясь от нового нашествия русского империализма, но уже под красным флагом.

В числе этих народов было и наше родное Казачество.

Е те дни по казачьей земле набатым гулом раздался «клич чести и свободы». Восстало Казачество «за честь отчины, за славу дедов и отцов, за свой порог и угол».

За свою и других свободу два года билось оно, напрягая все свои моральные, материальные и физические силы, одновременно преграждая путь красным полчищам к Европе, тогда устаншей, ослабленной и беспомощной после изнурительной четырехлетней Мировой войны.

В течении двух лет пылал огонь сражений на казачьих просторах. От пожара и грабежей чернели казачьи степи, станицы и хутора. Голос распятых красными наших отцов, матерей и юношей - казаков утихал под холмиками растоптанных могил. Поток лилась казачья кровь. Все, и жизнь и имущество, несли казаки на алтарь борьбы за свою независимость, проявляя чудеса храбрости, мужества и упорства. Показали они искусство гражданской и военной организации.

Но свою двухлетнюю героическую борьбу казаки проиграли. И не их в том вина. Тогда сильные мира сего не поняли глубокого значения казачьей антибольшевизской борьбы для всей Европы. В силу политического легкомыслия или недалекости, тогдашние вершители европейской политики не понимали огромную разрушительную силу русского большевизма для всего мира и не пришли на помощь казакам, бывшим тогда единственной и опасной антибольшевизской силой на всем российском пространстве.

Казачье поражение дало возможность большевикам укрепиться на всем огромном пространстве б. империи